

1980, 10 июля

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

Москва

ДЕВОЧКА И ВОЙНА

Есть упоение в бою, и бездны мрачной на краю,—сказал Пушкин; и слова его, может быть, примелькались, а непреложный смысл их от частого употребления полустерся. Но упоение действительно есть и в бою, и на обрывах житейских бездн, причем сами мы не знаем, сколь часто над безднами мы стоим и в скольких боях мы участвуем.

Записки популярной киноактрисы Людмилы Гурченко «Мое взрослое детство» — слово тихое, располагающее к себе и, как запискам о собственной жизни от века положено, юмором озаренное. Тема их—вечная тема русской литературы: война и ребенок. Но ребенок здесь вроде бы сам рассказывает о себе, и рассказчик, рассказчица в записках двоится: Гурченко нынешняя

вслушивается в речь самой же себя, дошкольницы-девочки, летом 1941 года оказавшейся с мамой в оккупированном городе Харькове, прошедшей ад почти двухгодичной неволи, видевшей и подвиги, и предательство, и, наконец, просто жизнь—жуткую в своей изнурительности жизнь под немцем, когда триумфом материнской любви оказывается добыть для малолетки-ребенка пригоршню соли или ведро паточки.

Не кино ли наложило печать на то, как Гурченко пишет? Пишет она, я сказал бы, «по-операторски», словно фотографируя памятью улицы и проулки Харькова, давая широкие панорамы этого дивного, исконно веселого города и тут же вводя резкие крупные планы: комнатуха в подвале, баян музыканта-отца,

кровать с металлическими бомбошками или луковка, которую терзаемая голодом девчуха тащит с прилавка. Харьков у Гурченко радостно узнаваем. И я, тоже исконно связанный с этим причудливым городом, в первый послевоенный год ходивший, оказывается, с маленькой Гурченко по одним и тем же улицам, по спускам булыжным, не мог, говоря по-старинному, не умилиться: до чего же похоже все!

Но и люди, отродясь не бывавшие в Харькове, говорят про «Мое взрослое детство» с единодушной приязнью: у Гурченко — обобщенный образ большого умного Города. И такой же обобщенный образ Отца. Солдата-отца. Музыканта. Редчайшего оптимиста, дарователя жизни своей единственной дочери.

И вместе с образом этим входит в записки тема глубинная и подспудная — тема жизни как риска, как хрупкой, тонкой и в то же время прочной-препрочной ниточки, над которой то и дело нависает угроза.

«Живи и помни!» — вразумляют нас записки актрисы. И действительно, о многом, читая их, надо помнить. А всего прежде — о непосредственном прикосновении каждого нашего поступка, словечка и жеста. О том, что всегда мы — в бою.

«Мое взрослое детство» — отчаянная литературная неожиданность. Гурченко — актриса талантливая, это многие теперь признали. И вдруг: столь же талантлива Гурченко и как писательница!

Владимир ТУРБИН.